

Николай Морозов

Путешествие в космическом пространстве

Морозов Николай
Путешествие в космическом
пространстве

Николай Морозов

Путешествие в космическом пространстве

"...Через несколько часов мы вышли за пределы доступного для чувства земного притяжения, и для нас более не было ни верха, ни низа. Стоило нам сделать несколько движений руками, и мы плавно переплывали на другую сторону каюты.

- Вот и верь после этого, - сказала Вера, - что тяжесть есть неотъемлемое свойство всякой материи.

- Сколько в вас весу? - спрашивала Иосифа Людмила, плавая в воздухе.

- Нуль пудов, - отвечал тяжеловесный гигант Иосиф.

- Да, но и сами пуды теперь нули! - воскликнула Людмила, толкая плавающую близ нее пятипудовую гирию.

Сильное движение воздуха, взволнованного нашими леди, медленно относило в угол Иосифа, старавшегося на лету срисовать всю эту сцену вместе с перспективой бледно-зеленоватого отдаленного серпа Земли с панорамой созвездий, ярко блестящих через одно

из больших и прочных хрустальных окон, несмотря на яркий солнечный свет, врывающийся косыми полосами в противоположное окно корабля. Петр прицепился к рулю, к которому был приставлен в это время, и с завистью посматривал на остальную возившуюся публику. Людвиг бросил свои статистические отметки в корабельном лагбухе [лагбух (логбух) - вахтенный журнал], листы которого никак не ложились один на другой, а ерошились торчком каждый лист отдельно от другого, и, молча плывя в воздухе, смотрел со своей доброй и ласковой улыбкой на всю эту яркую и радостную картину.

Мне тоже было необыкновенно радостно. Да и как не радоваться? Разве не сбылась моя заветная мечта? Разве не несемся мы теперь в бездонную эфирную глубину небесного океана среди пронизывающих его метеоров, один удар которых может разбить вдребезги нашу ладью? По временам я заботливо взглядывал вперед, но сейчас же успокаивался. Ведь области метеорических дождей лежали далеко от нашего пути.

- Опасности быть не может! - говорил Ни-

колай. - Ведь мы нарочно выбрали такое время года, когда Земля пролетает через пространство, совсем почти свободные от метеоров. Столкнуться с ними было несравненно менее вероятно, чем, например, потерпеть крушение на железной дороге.

Вера схватила летевший мимо нее стакан воды и быстрым движением руки отдернула его от наполнявшей его жидкости. Оставшись в воздухе, жидкость сейчас же приняла шарообразную форму и поплыла среди нас подобно мыльному пузырю.

- Идите пить воду! Кто первый поймает ее ртом? - звала нас Людмила.

А между тем время шло. Два дня промчались незаметно, и корабль наш быстро приближался к поверхности Луны. С каждой минутой сильнее разрастался ее бледный диск, на три четверти освещенный Солнцем и погруженный другою половиной в глубокую ночь. Скоро пришлось нам дать задний ход машине, чтобы противодействовать силе нашего тяготения к Луне. Мы уже не летали более в воздухе каюты, но медленно падали на ее бывший потолок, теперешний пол нашего

помещения. Пришлось переставить всю мебель вверх ногами относительно прежнего положения. Но это не только не поражало нас, а, напротив, никто из нас, несмотря на недавний опыт, даже представить не мог, как могла когда-то мебель стоять по направлению к Земле.

Большинству все это казалось очень странным. Пришлось перевернуть корабль, чтоб его пол был направлен к Луне.

А между тем лунный диск все более и более увеличивался от нашего приближения и занял пятую часть небесной сферы. Ярko обрисовывались под нашими ногами его горы и холмистые сыпучие равнины. Мы летели к той половине Луны, которая была в тени. Она росла с каждой минутой. Она как бы надвигалась на нас, как бы грозила разбить нас своим ударом. Становилось жутко от этой громады, растущей под нашими ногами. Невольно то один, то другой из нас бежал посмотреть на показатель быстроты полета, чтобы убедиться, что она не превышает ту скорость, которую наши машины могут преодолеть ранее падения на поверхность Луны. А дамы так со

страхом пытливо заглядывали нам в глаза, как бы ища в них той уверенности, которой у них не доставало. Но мы их не обманывали, утверждая, что все в порядке. Вот лунная поверхность заняла почти всю половину окружающего нас небесного пространства. Зубчатые вершины ее кольцеобразных гор отчетливо обрисовывались среди бледно-зеленоватого плоскогорья, над которым низко склонялось Солнце. Вот горизонт Луны совсем надвинулся на блестящее светило. Один миг - и мы очутились в длинном конусе ночи, вечно следующем за Луной и каждой планетой и ярко освещенном знакомыми созвездиями и широким серпом Земли, на котором виднелись Северная Америка и часть вечных снегов Северного полюса. Внизу же, на юге Луны, поднималась прямо под нашими ногами вулкановидная громада горы Коперника с ее лучеобразными трещинами и голосами по склонам. Вдали направо виднелась глубокая котловина Кеплера, окруженная как бы валом. Еще дальше темной, слабо-зеленоватой от земного света равнины, называемой "Морем Дождей", лежала огромная тарелкообразная

впадина Архимеда, а за ней целый ряд таких же, но меньших "колодцев" и углублений вплоть до того, которое называют цирком Аристотеля. Все это быстро приближалось, увеличивалось в своих размерах, ближайшие горы заслоняли более отдаленные.

Мы держали курс на самую вершину горы Коперника и скоро очутились так близко от нее, что ничего уже не могли видеть, кроме ее окрестностей. Вдруг Николай, стоявший у машины и наблюдавший показатель хода за окном каюты, несколько бледный, шепнул мне на ухо: "Беда! Мы, кажется, грохнемся на эту гору раньше, чем успеем вполне затормозить наше движение".

Я взглянул на показатель и тоже испугался. Или наша машина потеряла часть своей силы, или лунное притяжение было у поверхности сильнее, чем оно выходит по обычному вычислению, предполагающему, что вся масса планеты сосредоточена в ее центре, - но мы падали с такой быстротой, что, очевидно, уже не были в состоянии остановиться ранее удара о каменистые отроги, которые через несколько секунд должны были разбить вдре-

безги наш корабль.

В это мгновение Петр, стоявший на руле и тоже увидевший опасность, быстро направил полет прямо в кратер Коперника, в один из так называемых "колодцев", зиявших в этой горе. Мимо наших окон промелькнули какие-то сероватые и желтые утесы, и мы погрузились в глубокий мрак неизмеримого, казалось, бездонного "колодца". Впереди и кругом нас ничего не было видно в зияющей глубине, а сзади отверстие "колодца", в котором блестели несколько звездочек, быстро сужалось по мере нашего погружения и как бы замыкалось за нами. Сильный свист и шум за стенами корабля, похожий на завывание ветра, давали знать, что "колодец" наполнен какими-то газами. Наши бедные побледневшие леди, громко вскрикнув от ужаса в тот миг, когда внезапно влетели в жерло, и, уцепившись обеими руками за случившегося рядом Ованеса, замерев в этом положении, с ужасом смотрели в темную глубину, широко раскрыв свои глаза. Но этот свист и вой был лучшим помощником нашего спасенья: от сопротивления газа, присоединившегося к действию

заднего хода машины, наш корабль остановился, залетев лишь на несколько десятков метров в глубину "колодца".

- О, какой ужас! - воскликнула Людмила, едва удерживаясь от плача.

Мы несколько опомнились от неожиданной опасности и зажгли лампочку, так как Людмила боялась темноты.

Все принялись успокаивать ее и так, совершенно утешив обеих леди, вспомнили о Пете, который спас нам жизнь своей находчивостью в критический момент. Все стали его хвалить и пожимать ему руки, что конфузило Петра, хотя по скрытно торжествующему взгляду и оживленности движений и можно было заметить, что он доволен своим поступком.

Корабль был осторожно двинут к выходу кратера. Вскоре показали зубчатые края окружности, погруженные с одной стороны в черную мглу, а с другой освещенные зеленоватым светом Земли, несравненно более ярким, чем лунный на Земле в самые светлые зимние ночи. Яркие инкрустации горного хрусталя и других блестящих минералов гир-

ляндами и кружевами покрывали изгрызенные стены кратера, перемежаясь с огромными ветвистыми кристаллическими формами металлов, образующими целые рощи удивительных деревьев и кустарников. Вот из-за темного зубчатого края противоположного бока провала показался огромный серп Земли и еще более увеличил прелесть этой волшебной картины.

Мы миновали эти цирки, валы которых показались нам горами мелкой легкой пыли, и полетели к северу над слабо-зеленоватой от света Земли равниной "Моря Дождей", по направлению к отдаленным тарелкообразным углублениям северных лунных цирков. Когда мы спустились над этой равниной на высоту не более полверсты, странное жужжание за боками корабля, подобное шуму слабого ветра, обратило внимание тех, кто стоял у микрофонов.

- Атмосфера! - воскликнул Людвиг. - Слышите, как шумит воздух за бортом корабля?

Все прислушались. Действительно, не было сомнения, что мы летим среди легкой атмосферы, но из какого газа состоит она, этого

никак невозможно было определить. Отсутствие солнечного света мешало произвести спектральный анализ, а иначе узнать состав было невозможно, так как впустить неизвестный газ в корабль было бы рискованно, не зная его свойств. Мы ограничились тем, что набрали его посредством насоса, прикрепленного к внешней стене корабля и приводимого в движение гальваническим прибором, в особый гуттаперчевый мех, тоже находящийся снаружи, и отложили химическое исследование до возвращения на Землю.

Когда, продолжая путь, мы приподнимались несколько выше, шум за стенами прекращался и снова ясно слышался, когда мы понижали полет. По высоте этой границы шума было очевидно, что осязаемая часть лунной атмосферы не достигает в этом месте даже и километра и что она лежит не только ниже горных цепей, идущих всюду по краям к середине лунного диска и отдельно стоящих гор, достигающих на Луне гигантской высоты, но даже и на равнинах покрывает наиболее низменные места подобно тому, как моря на земной поверхности.

- Так вот почему, - воскликнула Вера, - эти места кажутся при наблюдении с Земли настолько темнее остальных, что древние астрономы приняли их за океаны и моря и дали им соответствующие названия! Значит, это "Море Теней", над которым мы летим, есть действительно море, но только не водяное, а газообразное! "Океан Бурь", "Море Ясности", "Море Кризисов", "Море Плодородия", повсюду разбросанные по диску Луны и связанные между собою проливами, - все это не пустые названия, как думали в последнее время!

Удивленные, мы опустились еще ниже к самой поверхности и тут заметили, что вся равнина была покрыта мелко растительностью лишайников, мхов и более высших растений неизвестных видов, по общему типу напоминающих земные. Здесь, в замкнутых воздушных бассейнах, при недостатке влаги, которая хотя, по-видимому, и растворена в атмосфере, но находится в таком ничтожном количестве, что никогда не сгущается в дожди и облака, органическая жизнь не могла еще развиться до своих высших разумных форм. Несколько родов и видов низших жи-

вотных, которых мы встретили, отличались огромными веерообразными придатками вроде огромных ушей, которыми они, очевидно, поглощают влагу из воздуха за недостатком обыкновенной воды. Петр захватил своим рычагом, то есть железной рукой корабля, наиболее интересные из них и положил их в наружную сетку, чтобы мы с Иосифом рассмотрели их при возвращении.

Вся эта коллекция была собрана недалеко от цирка Платона, к которому мы быстро направляли свой полет.

Цирки громадной величины мы видели разбросанными по всей лунной поверхности. Они были поразительно похожи то на следы гигантских дождевых капель на песке, то на дыры, пробитые в стекле ружейной пулей. До сих пор они сбивали с толку всех астрономов, придумавших самые сложные гипотезы, объяснявшие их происхождение. Но все эти гипотезы справедливо отвергались большинством как не объясняющие характеристических особенностей.

- Странная вещь, - сказал Иосиф, - откуда взялись здесь глина и песок, эти продукты

водного разложения?

- Да, - ответил я, - очень может быть, что правы те астрономы, которые утверждают, что Луна прежде быстрее вращалась вокруг оси и что вода была распространена в разных местах по ее поверхности, а теперь вся сосредоточилась на противоположной стороне благодаря тому, что это полушарие сильно поднялось вверх от тяготения к Земле.

- А вот увидим, когда будем на той стороне, - сказала Вера.

Неподвижно вися в пространстве, мы долго любовались видом цирка Платона. Наконец мы спустились к самой поверхности его вала и пытались набрать от него рычагом нашего корабля несколько кучек его щебнеобразной массы.

Вдруг обе наши леди вскрикнули в испуге. Я оглянулся. Среди ночной полутьмы вся окрестность озарилась красно-малиновым светом, ярким, как свет Солнца. Большой огненный шар неся прямо на нас, рассыпая за собою блестящие искры в редком воздухе "Моря Теней". Казалось, не было никакой возможности миновать гибельного удара.

- Метеор! - послышалось восклицание испуга.

"Неужели, - мгновенно бросилось мне в голову, - нам, пролетевшим все пространство до Луны и ни разу не встретившим метеоров, суждено погибнуть у самой цели нашего путешествия?!"

Но, прежде чем я кончил свою мысль, страшное сотрясение рыхлой сыпучей почвы заставило подпрыгнуть наш корабль и свалило его набок. Мы все попадали в разные стороны, и только слабость тяготения к Луне предоохранила нас от серьезных ушибов. Через несколько секунд я уже вскочил на ноги, и что за картина представилась моим глазам! Огромная тарелкообразная впадина виднелась на склоне вала Платона в нескольких десятках саженей от нашего корабля, а куча метеорной пыли лежала в середине впадины.

- Смотрите, - раздался вдруг громкий голос Ованеса, - смотрите! Корабельная рука совсем переломлена и валяется на земле!

Петр бросился в отчаянии к окну и мрачно смотрел на обломки своего произведения.

- Смотрите, смотрите - перебил Ованеса

Людвиг. - Дверь корабля так втиснута в стены и рукоятка так испорчена, что нам уже совершенно невозможно отворить ее.

Я бросился к входной двери, но тотчас успокоился. Вся вдавленная внутрь, с изломанным запором, она тем сильнее прилегала к окружающей ее стене корабля.

Где я ни прикладывал свою руку к ее краям, нигде не чувствовалось ни малейшего течения воздуха.

- Ну, пустяки, - сказал Ованес. - Вернемся на Землю, нас освободят из этого нового заключения.

Людвиг между тем начал пробовать действие машины, и корабль наш медленно поднялся в окружающем нас пыльном облаке, поднятом метеором. Кругловатая неглубокая впадина, выбитая метеором, вся раскрылась под нашими ногами. Она была как две капли воды похожа на один из маленьких "кратеров", всюду разбросанных среди больших цирков Луны, нередко даже на их валах и в середине.

Безмолвно стоя у окна и глядя на этот цирк, я забыл обо всем окружающем и долго

оставался в каком-то восторженном состоянии, что я испытывал каждый раз, когда мне в голову приходила какая-нибудь новая гипотеза, освещающая массу фактов, прежде непонятных. "Значит, - думал я, - все эти цирки, возбуждавшие столько неудовлетворительных гипотез среди астрономов, не что иное, как следы ударов тысяч больших и маленьких комет и метеоров, встречавшихся с Луной в продолжение миллионов лет ее существования!" Там, на Земле, куда, конечно, так же часто падали метеоры, их разрушительная сила парализовалась густою атмосферою, представляющей громадное сопротивление быстро движущимся телам. Да и падали они лишь в том случае, если ударяли по воздуху перпендикулярно. Если некоторые из них, а также, конечно, большинство, летели по касательной, то они должны были рикошетировать по воздуху, как пушечные ядра, оставив лишь на мгновенье огненную полосу над Землей да взволновав прилегающий воздух. Там, на Земле, если они и были так громадны и тверды, что, пролетев всю толщу атмосферы, выбивали глубокий провал в почве, - этот

провал вскоре наполнялся водою, дожди размывали его бока, наполняя песком и глиной дно. Целебное действие вечного круговорота воды и воздуха залечивало нанесенную Земле рану, и через несколько десятилетий от нее оставался лишь незначительный шрам в виде небольшого озера, особняком лежащего среди равнины. Да и не произошли ли действительно таким путем некоторые озера? Как было бы интересно исследовать разбросанные в Зауральских степях озера, которые на больших картах имеют совершенно такой вид, как будто они выбиты множеством осколков какой-нибудь встречной группы болидов! Ведь если они в самом деле метеорического происхождения, а метеоры, как обычно, заключают в себе железо, то посредством магнитной стрелки можно будет в глубине почвы открыть присутствие этого железа, и тогда все будет доказано!

Мне страстно захотелось сейчас же лететь в эти степи и исследовать дно некоторых кругловатых озерков, но случайный взгляд на лежащий предо мною новый лунный цирк снова направил мои мысли на лунные явле-

ния. Я вспомнил множество прямых или слегка согнутых от неровностей почвы борозд, как бы царапин, лежащих повсюду в беспорядке на Луне, которые еще прежде сильно возбуждали мой интерес на лунных картах, а теперь во множестве лежали под моими ногами. "Значит, - подумал я, - и эти до сих пор не объясненные полосы должны происходить от метеоров, слишком косо ударивших по поверхности Луны, а потому рикошетировавших от нее и улетевших в пространство".

Я плотно приник лицом к окну нашего летучего корабля. Безмолвно лежало передо мною безграничное сыпучее плоскогорье, ярко освещенное зеленоватым серпом Земли, над экватором которой, как по диску Юпитера, проходило вечное кольцо облаков зимнего дождливого, сезона одного из тропиков. Мне было грустно за эту Луну, которая представилась мне теперь всюду израненной мировыми непогодами. Она напомнила древесный пень, лишенный коры, на котором неизгладимо остаются все удары топора, все шрамы, все случайные повреждения, нанесенные людьми и животными, в то время как окру-

жающие этот пенъ зеленые деревья растут кругом него, борясь со всеми внешними влияниями, полные жизненных сил и здоровья, сами залечивая свои повреждения. Не то же ли самое и планета без атмосферы, что дерево без коры? Какое громадное значение должна в таком случае иметь эта легкая оболочка в планетной жизни! Весь поглощенный своими мыслями, не замечая ничего окружающего, я внимательно рассматривал всякий новый цирк, появлявшийся под ногами, и в каждом находил неожиданное подтверждение своей идеи. [Пока я разрабатывал эту идею в Алексеевском равелине (1882 г.) без права иметь какие-либо сношения с внешним миром, она была разработана и опубликована двумя германскими учеными, Генрихом и Августом Тирш в 1882 году. - Позднейшее примечание автора]

С грустным чувством летели мы в обратный путь, провожая печальными взглядами убегающую от нас Луну с ее цирками, горами и равнинами.

Все молчали и мечтали, смотря на небо. И мои мысли также улетели далеко в простран-

ство, туда, где за пределами нашей земной ночи сияет вечный день, где проносятся вереницы метеоров, где волны солнечного света и теплоты вечно переливаются между собой и сливаются с лучами миллионов звезд в одну чудную мировую музыку, наполняющую всю вселенную. Я улетел мечтою и за пределы этого вечного дня, туда, где солнечный свет, постепенно слабея, сменялся новою областью тьмы, тьмы, подобной земной ночи, только уже громадной и не освещенной бледным сиянием Луны. Но зато вдали в глубине этой ночи кругом ближайшей звезды уже светилось зарево нового вечного дня, а за ним мерцали все новые сияющие точки: миллионы новых солнц с их планетами и спутниками, миллионы вечных дней с их блеском и теплотой, миллионы далеких островков вселенского океана, из которых с каждого неслышимо доносились до меня биение родной нам жизни, и миллионы мыслящих существ ласково смотрели на нас и нашу Землю. И мне казалось, что они желали нам и всем нашим братьям по человечеству скоро и счастливо пройти сквозь окружающий нас мрак к но-

вой, высшей жизни на Земле, к чудному чувству свободы, любви и братства и к сознанию единства между собой и с бесконечностью живых существ вселенной...

Корабль остановился. В его окно виднелись сад и двери нашего жилища.

КОММЕНТАРИИ

Николай Александрович Морозов (1854-1946) - русский революционер-народоволец, писатель, поэт, ученый.

В 1881 году за участие в революционной работе был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В тюрьме (в основном в Шлиссельбургской крепости) Н.Морозов провел четверть века. За годы заточения он написал 26 объемистых томов по физике, математике, астрономии, истории, религии и др. После амнистии 1905 года Н.Морозов увлекся поэзией и в 1910 году выпустил сборник революционных стихов "Звездные песни", за который снова был заточен в острог до 1913 года.

После Октябрьской революции в 1918 году Н.Морозов публикует свои обширные мемуары "Повести моей жизни". Они были переиз-

даны в 1947 и в 1965 гг. В период с 1924 по 1932 год талантливый автор создает монументальное семитомное исследование по истории религии - "Христос".

Рассказ "Путешествие в космическом пространстве" был создан в начале заключения писателя в Шлиссельбургской крепости и найден в его "Шлиссельбургских тетрадях". Сам автор датировал его 1882 годом. Впервые рассказ был опубликован в NN 7-8 журнала "Техника - молодежи" за 1963 год.